

После обеда Цзи Цзяньчэнь и Фан Цинчи вместе отправились по делам, а Гу Шаобай остался слушать, как Му Люнянь играет на цитре. На самом деле, Му Люнянь был мастером во всем: игра на цитре, шахматы, каллиграфия и живопись. Просто князь Юй с детства держал его на руках, заботясь о нем, как о драгоценности, и он вырос в уединении, никому не известный.

— Шаобай.

Гу Шаобай поднял голову, только сейчас заметив, что Му Люнянь уже закончил играть, а он сам погрузился в размышления и ничего не слышал.

Он извиняюще улыбнулся:

— Прости, Люнянь, я отвлекся.

Му Люнянь обошел цитру и сел рядом с ним:

— Шаобай, тебя что-то тревожит?

Гу Шаобай опустил голову и не ответил.

— Это как-то связано с князем И? — осторожно спросил Му Люнянь.

Гу Шаобай поднял взгляд.

— Недавно Миньюэ приносил вещи и упомянул, что ты вернулся с князем И из северных пустынь. Этот путь занял больше месяца. Он тебе досаждал?

Гу Шаобай покачал головой. Он понял, что даже Му Люнянь не сможет заставить его раскрыть свои тайны. В этом мире только Му Цинфэн знал его досконально: его прошлое, настоящее, его гнев, его безысходность, его вынужденные поступки — все было связано с этим человеком.

Му Люнянь несколько раз сдержанно кашлянул. Гу Шаобай повернулся к нему с беспокойством:

— Ты до сих пор так сильно кашляешь?

— Уже лучше, — Му Люнянь отхлебнул чая. — Это старая хворь, то проходит, то возвращается.

Гу Шаобай подумал, что это последствия отравления, которое случилось, когда Му Люняню было десять лет. Много лет это не удавалось вылечить, и князь Юй приглашал множество знаменитых врачей, но так и не нашел способа. Если так пойдет и дальше, Му Люнянь вряд ли проживет долго.

Му Люнянь понял его мысли, похлопал его по руке и утешил:

— Шаобай, это ничего. Ты спас меня и помог мне встретить Фан Цинчи. Для меня это уже великая милость, а что касается остального — там воля неба, я не буду требовать лишнего.

Знакомство с таким другом, как ты, и встреча с таким возлюбленным, как Фан Цинчи, — чего еще желать?

В тот вечер в «Дворцовой музыкальной палате» был устроен театр, на сцене шли представления разных жанров со всех концов страны.

Мелодичные напевы доносились до восточных ворот дворца, звучали приглушенно и неясно.

В тени высокого густого дерева османтуса стояла фигура в темно-синем наряде евнуха. Это был Линь, дворцовый «всезнайка», который, закрыв глаза, прислонился к стволу, отдыхая и ожидая кого-то.

Человек быстро прошел по коридору и приблизился к дереву. Линь при слабом свете луны разглядел, что это Чжоу Пин, и вышел из тени, протянув ему свернутый лист бумаги.

Чжоу Пин одной рукой взял бумагу, а другой вручил ему кошелек.

Линь взвесил его на ладони с лестью:

— Господин Чжоу, вы всегда щедры.

Чжоу Пин тихо засмеялся:

— Линь, вы старый слуга дворца, возможно, мне еще придется к вам обращаться.

Линь ответил:

— Конечно, я всегда готов помочь.

Короткий обмен словами, и они разошлись.

Чжоу Пин вернулся в «Дворцовую музыкальную палату», где на сцене шла опера «Пионовая беседка». Он подошел к Му Цинфэну, стоявшему позади, и, встретившись с его взглядом, едва заметно кивнул.

Му Цинфэн перевел взгляд обратно на сцену, внимательно слушая плавный и протяжный напев:

Внезапно расцветают пурпурные и алые краски повсюду,

но все это обращается в руины и развалины.

Прекрасное время и дивные виды, но что делать с небом?

В чьем дворце происходят радостные события?

На сцене актриса изображала страдание, словно напоминая о той ночи, когда Му Цинфэн устроил западню для Гу Шаобая в ресторане «Дэжуй». Время, казалось, специально напоминало ему, насколько абсурдными и необдуманно были его поступки. Если бы он оказался на месте Гу Шаобая, он тоже не смог бы простить и никогда больше не доверил бы свое сердце такому бессердечному палачу!

На сцене — пьеса, в жизни — драма.

Там, где идет спектакль, зрители плачут, а в императорской тюрьме царит мрачная атмосфера.

Легкие шаги раздались в тишине. Человек в черном плаще с капюшоном, сопровождаемый тюремщиком, быстро вошел в императорскую тюрьму Палаты Дали.

Длинный темный коридор освещался несколькими тусклыми масляными лампами на стенах,

едва освещая путь под ногами. Все остальное было погружено в темноту.

Шаги остановились у самой дальней камеры.

В тусклом свете человек сидел на соломе, скрестив ноги, и задумчиво смотрел на крошечную лампу. Его профиль, освещенный желтым светом, был спокоен, словно он ждал кого-то.

Скрипнул замок. Он резко поднял голову, уставившись на вошедшего в черном.

Человек снял капюшон, открыв знакомое лицо, и с волнением произнес:

— Биньцзы...

Сунь Биньцзы медленно встал на колени, поклонился до земли:

— Отец.

Ван Сыдао шагнул вперед, крепко схватив его за руку:

— Дитя мое, вставай.

Сунь Биньцзы поднялся, помог Ван Сыдао сесть на голые доски кровати. Ван Сыдао осмотрел относительно чистую камеру, затем снова посмотрел на похудевшего Сунь Биньцзы, и глаза его невольно наполнились слезами.

На его бледном лице отражалась искренняя боль, и он с дрожью в голосе произнес:

— Биньцзы, ты много натерпелся.

Сунь Биньцзы же был спокоен, он покачал головой:

— Эти страдания — ничто.

Ван Сыдао откинул прядь волос с его лба, его голос звучал хрипло:

— Я обязательно найду способ вызволить тебя...

В деле Сунь Биньцзы он уже исчерпал все возможности. Если он сейчас вмешается, то только вызовет подозрения и потеряет доверие императора. Даже этот тайный визит был огромным риском.

Сунь Биньцзы и Гэ Чуньхуэй были приговорены к смерти. Единственный способ спастись — это организовать побег с места казни.

Сунь Биньцзы, казалось, уже смирился с этим. Он тихо, но твердо сказал:

— Отец, я благодарен вам за все годы воспитания. Судя по методам Му Цинфэна, он скоро узнает о нашей связи. Пока я жив, я представляю угрозу для вас. Только моя смерть положит конец всему.

Он посмотрел на Ван Сыдао:

— Я ждал этой встречи, чтобы попрощаться с вами в последний раз.

С этими словами он встал, опустился на колени и трижды поклонился. Когда он поднял голову,

его лицо было в слезах:

— Отец, прошу вас, не думайте обо мне больше. Прощайте, берегите себя!

Ван Сыдао не мог сдержать слез. Боль разрывала его сердце, он пытался поднять Сунь Биньцзы, но руки его дрожали, и он не мог найти сил.

Сунь Биньцзы поднял голову:

— Отец, у меня есть последние слова... Вы уже достигли вершины власти, почему бы не отказаться от своих амбиций? Остановитесь в том деле!

Не получив ответа, Сунь Биньцзы тяжело вздохнул.

...

После спектакля Му Цинфэн стоял у колесницы, время от времени обмениваясь поклонами и приветствиями с проходящими мимо чиновниками. Он заметил, как Ван Сыдао, поддерживаемый слугами, поднимался в свою карету, но вдруг поскользнулся на ступеньке и чуть не упал.

Му Цинфэн подошел к нему и громко спросил:

— Господин Ван, вы в порядке?

Ван Сыдао убрал ногу с подножки, повернулся и поклонился:

— Простите, князь, старость берет свое, ноги уже не слушаются.

— Что вы, — улыбнулся Му Цинфэн. — Премьер-министр Ван полон сил. Когда я достигну вашего возраста, боюсь, мне будет до вас далеко.

Ван Сыдао натянуто улыбался, но в душе кипела ярость. Прощальная встреча с Сунь Биньцзы все еще терзала его. Если бы не Му Цинфэн, разве он потерял бы своего приемного сына?

Му Цинфэн увидел, что Лин Минь приближается к нему, и, попрощавшись с Ван Сыдао, взял Лин Миня за руку и поднялся в карету. Чжоу Пин, помогая ему, шепнул на ухо:

— Князь, только что господин Цзи передал, что Ван Сыдао тайно посещал императорскую тюрьму во время спектакля.

Му Цинфэн не остановился, но понял причину растерянности Ван Сыдао. Вероятно, завтра он получит известие о смерти Сунь Биньцзы. Никто бы не подумал, что эти двое, казалось бы, никак не связанные, имели такие скрытые отношения.

Он вздохнул: жаль, что такой талантливый человек оказался приемным сыном Ван Сыдао.

Слишком долго они страдали, позвольте Люняню и Сяо Фану немного насладиться счастьем. Я вдруг заметил, что имена всех персонажей в тексте связаны с водой (элемент шуй). Что это значит такое?